

УДК 165

DOI: 10.17223/1998863X/62/25

К.Ю. Аласания

МЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ Т. ВАН ДЕЙКА

Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Рассматривается категория «ментальная модель» как инструмент социального познания в теории Т.А. Ван Дейка.

Ключевые слова: ментальная модель, идеология, дискурс, мысленный эксперимент

Тезис о возможности рассмотрения мысленных экспериментов как «социализации воображения» кажется весьма перспективным для обсуждения в контексте заявленной для дискуссии темы, особенно с учетом ссылки на теорию Т. Ван Дейка. Действительно, механизм «социализации воображения» функционально сопоставим с работой ментальной модели, которая представляет собой совершенно особый теоретический конструкт, с точки зрения Тёна Ван Дейка.

Если попробовать максимально лаконично описать схему, в которую вписывается ментальная модель, то получится следующее. Возможность конструирования дискурса связана с социальным, культурным, историческим опытом. Понятие «опыт» используется здесь в максимально широком значении. В данном случае важно, что та часть опыта, которая включает в себя социальные образцы, стереотипы, убеждения, мнения, установки, имеет потенциал к тому, чтобы раскрыться в дискурсе, но совсем необязательно будет раскрыта. Для того чтобы понять, раскрываются ли те или иные компоненты опыта в дискурсе и, если раскрываются, то каким именно образом, существует ментальная модель. В самом общем смысле ментальная модель есть инструмент, позволяющий анализировать вопросы социальной обусловленности дискурса. Чтобы попробовать понять, как работает ментальная модель, имеет смысл обратиться к интерпретациям Ван Дейка.

Здесь будет уместно вспомнить о существовании парадокса, который, опять же, сближает понятия мысленного эксперимента и ментальной модели [1. С. 201]. Ван Дейк подчеркивает, что, несмотря на очевидный (прежде всего эпистемологический) потенциал того, что он называет «ментальной моделью», теория ментальных моделей не является оформленной до конца [2. Р. 168]. Вместе с тем ментальная модель определяется Ван Дейком как субъективный конструкт, который, в свою очередь, необходим для производства и понимания дискурса. Собственно, производство дискурса невозможно без «формирования, активации и актуализации ментальных моделей как репрезентаций эпизодической памяти» [Ibid. Р. 169]. То есть прежде всего функция ментальной модели состоит в том, чтобы обеспечить понимание того, что

перед нами. В то же время ментальная модель есть не что иное, как репрезентация опыта. Фактически ментальная модель представляет собой архив, где в определенной связи сосуществуют дискурсивные и недискурсивные компоненты. Она включает в себя оценки событий, мнения, эмоции, которые ассоциируются с событием.

Как было отмечено выше, ментальная модель есть неотъемлемая часть производства дискурса. Однако имеет смысл уточнить, что она как бы «запускает его производство» [2. Р. 169]. У нас есть некоторое представление о событии, возможно, мнение о нем или эмоции, которые грядущее событие вызывает. Именно такого рода репрезентация, по Ван Дейку, служит базой для разворачивания дискурса. То есть ментальная модель задает некий курс, но при этом никак не может и не должна претендовать на то, что этот курс является верным. Если продолжать рассуждения в этой логике, то ментальная модель способствует разворачиванию того дискурса, который актуален для текущей ситуации и по определению субъективен. Эта субъективность для Ван Дейка во многом связана с развитием идеи о том, что вообще означает столь «туманное» (*vague*) понятие «иметь смысл» [Ibid].

Помимо того что ментальная модель выступает отправной точкой производства дискурса, она представляет собой одновременно и инструмент, служащий для понимания дискурса, и цель, на которую направлен анализ. Ван Дейк пишет, что «мы понимаем дискурс, когда способны сконструировать ментальную модель для него» [Ibid]. В тот момент, когда становится ясно, какие элементы модели реализуются в дискурсе, мы понимаем его смысл. Надо заметить при этом, что в качестве одной из ключевых характеристик ментальной модели Ван Дейк обозначает изменчивость. Это вполне объяснимо, поскольку функционирование ментальной модели связано с влиянием конкретных условий (время, место), участников (и их ролей), событий и т.д.

В то же время культурный опыт, который непременно включает в себя ментальная модель, предполагает элементы, которые являются универсальными, статичными в том смысле, что они не меняются в зависимости от обстоятельств. Привычки, стереотипы, установки относятся к этим самым неподвижным элементам. Здесь имеет смысл заметить, что понятие «установки» важно с точки зрения понимания функций ментальной модели как инструмента познания. Установки служат для опознавания новой информации, но более важно то, что Ван Дейк определяет знание как систему установок, общих для всех. Однако к этой идее мы обратимся чуть дальше. Любопытно, что именно с этой амбивалентностью ментальной модели Ван Дейк связывает весьма специфическую функцию данного конструкта – объяснять не только то, почему мы находимся именно в таком, а не в другом дискурсивном поле, но и то, как и почему мы можем *ошибочно* извлекать, «вспоминать» информацию, которая никогда эксплицитно не фигурирует в том или ином дискурсе, или то, как мы можем помнить какое-то событие, но совсем не помнить о том, из какого источника мы знаем о нем (где мы это видели или читали, например) [Ibid. Р. 170]. Это воспоминание возникает как воображаемое. И именно за это отвечает ментальная модель с ее неоднозначной дискурсивно-недискурсивной, подвижно-статичной сущностью. Чтобы сделать некоторый промежуточный вывод, стоит сказать, что для Ван Дейка перспективы ментальных моделей как «очень мощного теоретического кон-

структа» очевидны. И кажется, что этот потенциал связан с тем, что они «существуют независимо от дискурсов, через которые могут быть выражены» [2. Р. 170]. Такая «независимость» проявляется в том числе в возможности ментальных моделей преобразовываться в контекстуальные.

Иногда возникает ощущение, что Ван Дейк говорит об одном же понятии, называя его разными терминами, но это не так. Контекстуальная модель так же, как и ментальная модель служит для определения события или ситуации, но только в том случае, если мы оказываемся участниками этого события или ситуации, т.е. когда мы начинаем непосредственно произносить или писать текст. Контекстуальная модель – это поле, где встречаются дискурсивное и недискурсивное (так же, как и в случае с ментальной моделью), личное и социальное. Функционально контекстуальная модель отличается от ментальной. Ментальная модель, как отмечалось выше, запускает процесс производства дискурса и в этом смысле детерминирует его. Контекстуальные модели нужны для того, чтобы обозначить рамки дискурса, т.е., отталкиваясь от обстоятельств, определить некоторое количество вариантов развития событий, в некотором смысле они определяют уместность дискурса и, соответственно, ограничивают эти варианты. В контекстуальной модели Ван Дейка характеристика, которую мы обозначили раньше как «изменчивость», трансформируется в характеристику, которую условно можно назвать «обновляемость» [3].

Любопытно, что Ван Дейк подчеркивает важность фактически одной и той же характеристики ментальных и контекстуальных моделей. Речь идет о том, что они занимают промежуточное положение и обеспечивают связь. Но связь разных явлений между собой. «Контекстуальные модели обеспечивают необходимую связь между ментальными моделями событий и способом, благодаря которому формулируется дискурс. <...> Контекстуальная модель – недостающее звено между дискурсом и обществом, личностным и социальным» [Ibid]. Ментальная модель обеспечивает связь между дискурсом и идеологией. И именно в этой связи ментальная модель встраивается в систему идей Ван Дейка о политическом познании.

Ван Дейк понимает идеологию как одну из важнейших форм социального познания. «Идеологии представляют собой основание для социального познания, которое является общим для членов социальных групп, объединенных на основе избранных социокультурных ценностей и организованных в соответствии с идеологической схемой, обеспечивающей самоидентификацию группы. Помимо социальной функции поддержания интересов социальной группы, идеологии имеют когнитивную функцию, которая заключается в организации социальных репрезентаций (установок, знаний) группы, и, соответственно, в косвенном контроле социальных практик группы, а следовательно, и речевой деятельности членов, принадлежащих к данной группе» [4. Р. 248]. Механизм работы ментальной модели при условии, что она занимает промежуточное положение между дискурсом и идеологией, действительно схож с принципами функционирования мысленного эксперимента, если мы соглашаемся с Ван Дейком в том, что идеология есть форма политического познания, а формирование идеологии схоже с процессом формирования некоторого нового знания. Опять же схема, в которой ментальная модель занимает промежуточное положение между дискурсом и идеологией, работает

в обоих направлениях [5. С. 214–215]. В случае, если она выступает как пусковой механизм для производства дискурса, основанием становятся идеологические установки, которые, по Ван Дейку, являются частью социального опыта, таким образом намечается курс (идеологический), который будет положен в основу идеологического дискурса. И наоборот, цель, связанная с пониманием идеологического дискурса, заставляет нас обращаться к возможности конструирования ментальной модели как некоторой законченной картины или, скорее, карты, схематично репрезентирующей необходимые для понимания элементы. Очевидно, что в силу специфики составляющих ментальную модель дискурсивных и недискурсивных компонентов аналогия с картой видится сомнительной, поскольку назвать этот конструкт «визуальным текстом» [6] вряд ли возможно. Но в случае, когда речь идет об операции понимания оснований дискурса, эта метафора кажется возможной.

Находясь в состоянии постоянной изменчивости, ментальная модель тем не менее предоставляет возможности для фиксации необходимой информации в случае, если перед нами стоит задача понимания. И в этом смысле утверждение Т.А. Вархотова о том, что «все успешные мысленные эксперименты представляют способы опредмечивания представляющих познавательный интерес „территорий“ – модели, причем модели не математические (которые могут быть вычленены из мысленных экспериментов, но к которым эти последние не сводятся), а модели процессуально-демонстративные – своего рода анимированные, взятые одновременно как процесс построения и как результирующая наглядность *карты*», видится вполне применимым к тому, что Ван Дейк говорит о целях и принципах функционирования ментальной модели.

Литература

1. Вархотов Т.А. Воображение как граница понимания: о функции воображения в мысленных экспериментах // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 2. С. 199–224.
2. Van Dijk T. Discourse, context and cognition // Discourse Studies, 2006. Vol. 8 (1). P. 159–177.
3. Van Dijk T. Discourse semantics and ideology // Discourse and Society. 1995. Vol. 6 (2). P. 243–289.
4. Van Dijk T. Discourse and Context A sociocognitive approach. Cambridge : Cambridge University Press, 2008.
5. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : Либроком, 2018. 344 с.
6. Иванов К.В. Картографирование как инструмент имперской политики в Центральной Азии // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 2. С. 199–224.

Kira Yu. Alasania, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: alasaniak@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 62. pp. 260–264.

DOI: 10.17223/1998863X/62/25

THE MENTAL MODEL IN SOCIAL COGNITION: TEUN A. VAN DIJK'S INTERPRETATIONS

Keywords: mental model; ideology; discourse; thought experiment

The article examines the category of mental model as a tool for social cognition in Teun A. van Dijk's theory.

References

1. Varkhotov, T.A. (2020) Imagination as a borderline of understanding: the function of imagination in thought experiments. *ППАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ППАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2. pp. 199–224. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-2-199-224
2. Van Dijk, T. (2006) Discourse, context and cognition. *Discourse Studies*. 8(1). pp. 159–177. DOI: 10.1177/1461445606059565
3. Van Dijk, T. (1995) Discourse semantics and ideology. *Discourse and Society*. 6(2). pp. 243–289. DOI: 10.1177/0957926595006002006
4. Van Dijk, T. (2008) *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Van Dijk, T. (2018) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Translated from English. Moscow: Librokom.
6. Ivanov, K.V. (2020) Cartography as a tool of imperial policy in Central Asia. *ППАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ППАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2. pp. 151–181. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-2-151-181